источника: подобныя вставки делаются очень легко, и были в старину в большом ходу, так как посредством их думали усвоить известное произведение своей национальности".[1]

Никаких фактических данных в подтверждение своей гипотезы А. Н. Пыпин привести не мог. Оснащаться „фактами" гипотеза о нерусском происхождении сказаний и повестей о Вавилоне граде стала тогда, когда к изучению их обратились сторонники сравнительно-исторической школы: сперва А. Н. Веселовский, а затем И. Н. Жданов. А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов пошли значительно дальше А. Н. Пыпина и выдвинули целую систему ошибочных гипотез о происхождении, литературной истории, идейном смысле и значении цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде. Они прежде всего поставили своей целью доказать византийское происхождение не только „Сказания о Вавилоне граде", на чем настаивал А. Н. Пыпин, но и всего цикла в целом. В этих целях они привлекли для сопоставления огромный материал, но все же не смогли указать в византийской литературе ни одного произведения, которое могло бы явиться прототипом „Сказания" или какой-либо повести о Вавилоне граде. В итоге этих разысканий оказалось добытым только некоторое количество так называемых „параллелей" к отдельным произведениям цикла, да и то большинство этих „параллелей" было найдено в западноевропейских литературах, а не в литературе Византии. Но и этого материала было достаточно для того, чтобы А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов могли придерживаться гипотезы византийского происхождения сказаний и повестей о Вавилоне граде; при этом А. Н. Веселовский особенно конкретизировал изложение этой гипотезы. Обратив внимание на то, что в путешествии Антония (XII век) говорится о вавилонской грамоте, он пишет в своих „Заметках по литературе и народной словесности": „Рассказ Антония нельзя отделить от послания Льва в русской повести о Вавилонском царстве. Это дает мне повод к следующим заключениям: 1) что уже в XII веке существовало в Византии сказание, сходное по типу и по имени главного действующего лица с посланием русской повести; 2) что послание это явилось эпическим ответом на вопрос о происхождении загадочных пророчеств о судьбе Византии, в котором знаменательно чередовались имена Даниила и Льва Мудрого".[2]

Определяя далее „пути проникновения" этого цикла произведений на Русь, А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов разошлись в своих мнениях. Первый придерживался уже прочно установившихся к его времени представлений о возникновении и развитии древнерусской литературы и поэтому писал: „...южно-славянский отпечаток (на сказаниях и повестях о Вавилонском царстве, — *М. С.*) остался, быть может, в некоторых именах, так что и в этом случае между древней Русью и Византией придется допустить южно-славянское литературное посредство".[3] Жданов же, отыскав очередную „параллель" к циклу сказаний и повестей о Вавилоне граде в „Повести о царице Динаре", которую он

---

[1] А. Н. Пыпин. Старинная русская сказка о Вавилонском царстве. Известия Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, т. III, СПб., 1854, стр. 319.

[2] См.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, г. XXXII, № 7, 1883, стр. 13.

[3] А. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. I. М., 1894, стр. 410. — См. также „Отрывки византийского эпоса в русском" (стр. 122).